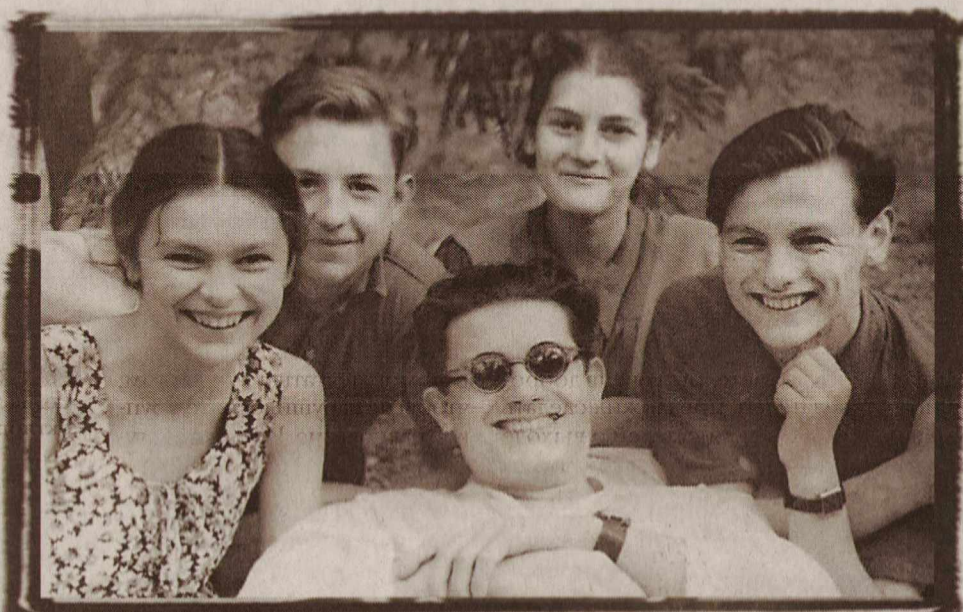

МАРИНА ТАРКОВСКАЯ

Осколки зеркала

Только в «Известиях» публикуется неиздававшийся ранее фрагмент книги мемуаров Марины Тарковской «Осколки зеркала». Вышедшая в 1999 году книга воспоминаний сестры культового режиссера Андрея Тарковского стала одним из самых значительных событий года и была удостоена премии «Антибукер». Однако история любви и женитьбы Андрея Тарковского на Ирме Рауш, сыгравшей в его фильмах «Иваново детство» и «Андрей Рублев», в первом издании оказалась опущена. Дополненная книга «Осколки зеркала» выйдет в издательстве «Вагриус» в конце декабря.

На даче в Кратове. Андрей Тарковский (на фото справа)

Записки и стихи

Ирма Рауш. Эти вполне заурядные немецкие имя и фамилия казались мне когда-то необыкновенно романтическими.

Я заглядываю в аудиторию, где только что окончили занятия у студентов-режиссеров первого курса, — мне надо передать Андрею принесенные из дома бутерброды. На улице день, а в аудитории горит электрический свет, плотно задернуты темносерые шторы. Воздух душен и сперт от присутствия пятнадцати-двадцати молодых людей. Я уже знаю многих Андреевых сокурсников и сокурсниц по именам и узнаю теперь рыжеволосую гречанку Марию Бейку, трагическая партизанская эпопея которой мне уже известна со слов Андрея, престелого мальчика Люку Файта, сына знаменитого актера, Васю Шукшина, красивого сибиряка с широким скуластым лицом и узкими серыми глазами, Сашу Гордона, кажется, уже успевшего в меня влюбиться, высокого Бескадарного, симпатичную Дину Мусатову с открытой улыбкой...

А вот и она, знаменитая Ирма Рауш, в которую уже полгода влюблен Андрей. Она невысока ростом, с хорошей фигурой, которую складно облегал черное суконное платье, заколотое у ворота латвийской серебряной брошью-сактой. Ее светлые волосы, которые даже на взгляд кажутся мягкими, собраны в пучок черной лентой. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что у Ирины Рауш хороший вкус и что она самая красивая девушка на ромовском курсе.

Учебные тетради Андрея испещрены ее портретами, он рисует ее в профиль, так у него лучше получается. Профиль мил — крутой лоб, изящный носик, чуть выпяченная нижняя губа, сейчас это ее не портит, а придает всему лицу некоторую пикантность.

Как складывается непросто в жизни: он любит ее, а она его — нет. Она не спешит влюбиться, да и как это можно сделать по заказу? Еще один однокурсник претендует на ее чувства, и она, равнодушная, замкнувшая на себе, не знает, кому отдать предпочтение. А Андрей жестоко страдает и после очередного объяснения, окончившегося разрывом, пишет наивные, но искренние стихи.

Нечестной и ветреной,
как большинство женщин

Уж не посмотрю я нежным взглядом,

А когда ты зло проходишь рядом,
Я тебя ни капельки не трону.

И не злось за то, что изменила,
Ни к кому на свете не ревную,
Просто глупо и ненужно оскорбила
Ты любовь к себе — чужую, но больную.

Странно, что таким, как ты, на свете
Хорошо и радостно живется,
Но «люблю», что бросила на ветер,
На твоей любви к другому отзовется.

И немного жалко, что истратил
На тебя всю душу, и другую,
Что честней, красивей и умнее,
Поллюбить наверняка уж не смогу я.

Я люблю — не скрою при ответе.
Ну а ты? Нет... ты и не любила.
Ничего, должна другого встретить;
Помнишь, ты мне как-то говорила?
17.III. 1955

Казалось бы, сейчас, после разрыва, самое время забыть про неудачную любовь. Но Андрей не может расстаться со своим чувством. «Не бросайся в любовь, как в глубокий колодезь, не будь как листок на ветру» — все эти папины советы он, одержимый любовью, во внимание не принимает.

И вскоре появляется еще одно стихотворение — боже мой! — о раздвоении личности и о самоубийстве, написанное Андреем на следующий день после своего дня рождения — 5 апреля 1955 года.

Тень

Я и молод и стар, я и мудр и глуп,
Смертью пахнет левкой,
Флоксы — грецким орехом.
А брезгливая складка у обиженных губ
Словно шепчет «не нужно»
с насмешливым смехом.

Но любил или нет, я не знаю, но то,
Что я вспомнил, запело
расстроеным ладом,
И лохматый двойник с пистолетом
в пальто,
Неотвязно и честно
ты шествовал рядом.

Если рядом стена —
ты скользил по стене,
Если лужа —

Можно б в темной квартире...
и так... на ремне...
Не могу без тебя!
Ты мне, право же, нужен!

Ты поможешь в кармане
нащупать курок
И подыть к голове
черный ствол вороненый,
И останешься ты навсегда одинок,
Верный друг мой,
безмолвный, слепой и покорный.

Как-то в это мучительное для всех нас время (мы с мамой видели, что происходит с Андреем, хотя стихов этих еще не знали) доведенный почти до безумия Андрей уезжает к папе в Голицыно и оставляет дома записку для Ирины. И она впервые приходит в наш дом — за этой запиской.

Удивительно, как запоминаются на всю жизнь какие-то эпизоды, и, видимо, не случайно запоминаются. Эта сцена стоит у меня перед глазами. Она пришла, когда и мама, и я были дома. Села у овального стола, стоявшего в первой комнате у окна. Мамочка передала ей записку Андрея, и она ее при нас прочла. На лице Ирины Рауш ничего не отразилось, никаких комментариев не последовало. Все то время, что она провела у нас, во все время нейтральной беседы об институтских делах, все эти пятнадцать-двадцать напряженных для всех нас минут она машинально крутила Андрееву записку, скручивала ее в трубочку, раскручивала, снова скручивала бессознательными движениями своих осторожных пальцев. А потом встала, сказала «до свидания» и ушла, а записка нашего Андрея осталась лежать на столе в виде скрученной трубочки. Мама, кивнув на записку, произнесла то, что было ясно и без слов: «А ведь она его не любит», разорвала бумажную трубочку на мелкие кусочки и выбросила в свою пепельницу-раковину, стоявшую у стола на подоконнике...

Женитьба

В конце лета 1956 года едут на практику студенты-однокурсники Андрея. «Ирма Рауш будет очень полезно поработать на уборке урожая с целинных земель, это даст ей, будущему режиссеру, богатый материал», — гласит характеристика, подписанная директором ВГИКа, секретарем парторганизации и секретарем комсомола.

Вряд ли пригодились Рауш впечатления, полученные на целине, но поездка эта запугала еще больше ее отношения с Андреем. Однокурсник, бывший с нею на уборке урожая, занял место в третьем углу рокового треугольника, и страдания Андрея достигли высшей точки. Он стал бледным до синевы, нервным до предела, дома появлялся поздно вечером и, ничего не говоря, ложился спать. Дело дошло до того, что Андрей и его соперник договорились между собой, что ни тот ни другой не будут больше подходить к Ирме, не будут разговаривать с ней, пока она сама не сделает выбор. Они, бедные, не понимали, что ей не был нужен никто из них...

Первым сломался Андрей, и началось все сначала: свидания, на которые она то приходила, то не приходила, долгие провожания, бесплодные объяснения.

И педагоги, и сокурсники видели, что творится с Андреем, и думали, как ему помочь, а он, чтобы разругать наконец этот сложный узел, ответил согласием на предложение педагога — милейшей Ирины Александровны Жигалко и своего друга Саши Гордона разобраться в ситуации всем курсом. (Это было время, когда люди из лучших побуждений считали себя вправе вмешиваться в чужую личную жизнь.) И вот собрались все, и однокурсник стал публично выяснять с Ирмой отношения, и неизвестно, чем бы окончились эти разбирательства, если бы Андрей не встал, не подошел к ней, не взял бы ее за руку и не сказал: «Пойдем отсюда!».

Ни мама, ни я ничего об этом эпизоде не знали тогда. Мы увидели только, что в коробке с документами нет Андреева паспорта, и поняли, что он собрался жениться. А через какое-то время он нам объявил о своем решении. Казалось бы, так радостно закончилась эта томительная эпопея Андреевой любви к Ирме Рауш. Но почему я, оставшись дома одна

плакала, узнав о заключении «законного брака»? Должна была бы радоваться, а плакала. Потому что знала, что Андрей уходит от нас навсегда...

По большому счету все так и случилось, а по малому — он вроде бы никуда и не уходил. Свадьбу молодые решили не устраивать, и, хоть с нами не советовались, мы с мамой одобрили такое их решение. Мама считала все эти свадьбы мешанскими затеями, напрасным переводом денег, которых, кстати, и не было.

Сначала молодожены очень короткое время жили в нашей тесноте, как говорится, по месту прописки, потом мама стала снимать им комнату, а очень скоро они, красивые, веселые и полные надежд, уехали в Одессу на производственную практику, куда, кстати, были направлены и Вася Шукшин, и Андреев побежденный соперник. Вернувшись, продолжали жить в снятых комнатах, и помню, что Ирма со смехом рассказывала, как Вася шутил: «Вот когда мы будем знаменитыми, возникнут трудности, на какой дом вешать мемориальные доски. Столько квартир мы все сменяли!».

Итак, Ирма Рауш стала Ирмой Тарковской. Рубикон был перейден, выбор сделан, и всем стало легко. Мы довольно часто виделись с Ирмой (оказывается, у нее в семье ее называли именно так). Она держалась свободно и мило и, как говорила мама, «не строила из себя фифочку», то есть не фыркала на нашу более чем скромную обстановку. И мама, и я полюбили ее за веселый нрав и отсутствие мешанских наклонностей. Жизнь продолжалась, и я даже и представить не могла, чем обернется мое зна-

«Мама, кивнув
на записку, произнесла
то, что было ясно
и без слов: «А ведь
она его не любит»»

комство с Ирмой-Ириной, милой девушкой из Казани, Андреевой первой женой...

Здравствуй, Вася!

Год назад я шла из одного издательства. Район был мне совсем чужим, но за моей спиной маячила телебашня, и я представляла, в какой стороне находится метро. Я шла к нему по какой-то незнакомой улице вдоль унылых, стандартных домов из серого кирпича. И вдруг я увидела на стене дома доску с именем Василия Шукшина, с его изображением. Я остановилась. Стою и не могу двинуться с места...

Значит, нашлся все-таки дом, где тебе, Вася, повесили памятную доску. Помнишь, ты шутил: мол, по стольким квартирам мотался, что неизвестно, на каком доме должна будет висеть мемориальная доска. Но как страшно видеть тебя на этой доске! Какой ты худой, изможденный. Я не знала тебя таким.

Вот ты пришел к нам на Щипок, это 4 апреля 1955 года, день рождения Андрея. Убогая обстановка, скромное застолье. Друзья Андрея, моя школьная подруга.

О тебе я уже слышала восторженные рассказы брата, и теперь ты сидишь за столом прямо напротив меня, спиной к входной двери. И ты мне очень понравился. Нравился тем, что не боллив, что, не вступая в общий разговор, глядя на меня, исподволь в лица, прислушиваясь к разговорам. Нравился твое скуластое лицо, узкие глаза, красивые губы. Ты напоминаешь мне Мартину Илену, моего любимого героя. И я могла бы в тебя влюбиться, но сердце мое, увы, занято другим.

Но вот моя школьная подруга вздумала вдруг уходить домой. И я прошу тебя проводить ее до остановки в надежде на продолжение нашего знакомства. Ты быстро вернулся и был чем-то смущен. «Понимаешь», — рассказал ты Андрею, — я ее к забору прижал, хотел приобнять, а она мне пощечину влепила». Думаю, что эта моя подруга жалела потом о своей тогдашней неприступности...

Помню встречу Нового года в студенческом общежитии. А потом я вижу тебя на

роль в «Ученике дьявола» Бернарда Шоу. Ты произносишь монолог перед казнью. И монолог этот звучит замечательно.

После того как все мы закончили институт, были у нас какие-то случайные встречи. Да, помню одну: зима, холод, вечер. Мы с Сашей (кстати, его мать звали так же, как и твою, — Мария Попова. Жаль, что ты этого не знал) вместе с тобой встречаем твоих дочек у детского сада. Твою жену и девочек я тогда в темноте не рассмотрела, помню, что Лида была в простом сером платке. А дочки, совсем маленькие, были закутаны до глаз...

А еще раньше ты недели две-три жил у нас на Таганке. Мы снимали квартиру, то есть две комнатки-«пенальчика» в коммуналке в доме № 14 на Большой Коммунистической улице. В одном «пенальчике» (наш был проходной) временно поселились ты. Прописки не было, жилья не было, а ты уже снимал свой первый фильм, который до сих пор смотрят и любят зрители, — «Живет такой парень». Ты приходил со студии, за ужином пил пиво, а иногда и кое-что покрепче. К пиву приносил криветки... А потом ты сидел у себя и писал что-то. Как выяснилось позже — рассказы. Никогда не читал их нам, вообще ничего не говорил о своем творчестве.

Почему-то общение с тобой связано у меня с зимой, с морозами. Шли однажды утром вместе из дома до метро. Был сильный мороз, и я говорю: «Так холодно, что даже уши мерзнут от серы». Ты удивился: как это так? «Вот так, серы серебрились, проделты в уши, вот и холодно». Тебя это позабавило.

Как жаль, что не ты снялся у Андрея в роли двух братьев-князей в «Рублеве». Ведь роль была написана для тебя, Андрей мне не раз об этом говорил. Но ко времени запуска фильма у нас уже не было прежней близости.

Прошло еще несколько лет, и опять зима, и опять мороз. А я в ситцевом халатике и в косынке убираю свою квартиру. Да, у нас уже есть своя квартира, она в Марьиной Роще. Это пятиэтажная «хрущоба», но в удрученном виде, ибо — кооператив. Внизу под нами живет семья: она — зубной хирург, он — большой любитель женской красоты. Частые скандалы. Убираю квартиру, мою пол и слышу на лестнице какие-то громкие голоса. Особенно громко кричит соседка — зубной хирург. А через минуту — звонок ко мне. Открываю дверь и вижу тебя, Вася. Ты в белом нагальном тулупе, кажется, в бурках (или ошибаюсь?). «Вот, зараза-баба. Я позвонил к ней, а она сразу — орать».

Как выяснилось, мы теперь жили в одном примерно районе. Ты уже получил квартиру, стал москвичом. Мы с Сашей встретились в автобусе, и ты спросил у него адрес. Записать было нечем. «Да я так запомню», — сказал ты. И запомнил, вот только этажом ошибся и наравился на Розу...

Наверное, мой вид — халатик и косынка — спровоцировал тебя на откровенность, да и пришел ты немного «под хмельком». И я узнала, что... «Почему же ты мне раньше этого не сказал? Ведь ты мне тоже нравился», — ответила я, не очень поверив твоему признанию. «А я не смею», — ответил ты. Ох, уж эти комплексы... Думаю, что именно они и развели тебя с Андреем...

Потом пришел мой муж Сама, и мы сидели за столом и выпили все, что было в доме, и пошли купить еще. Пьяный ты был тяжел, никак не мог успокоиться и заснуть. Утром, когда вы еще спали, я ушла на работу.

Вот, собственно, и все. Потом, я слышала, ты пить перестал, только работал, работал.

Из курса М.И. Ромма набора 1954 года ты один из первых ушел из жизни. В начале октября 1974 года была на удивление солнечная погода, и невозможно было поверить, что тебя не стало.

Тебе было всего 45 лет. Так мало ты жил. Так измучил тебя и твой неуемный характер, и твои «начальнички». Помнишь песню, которую ты пел студентом? «Ты, начальник, ключик-чайничек...» Не дали они тебе снять твоего «Стеньку».

И теперь вдруг я опять встретилась с тобой. И так было больно, и так зашемило сердце. И хотя стояло жаркое лето, мне вспоминалась давняя холодная зима, и ты, молодой, в белом полушубке, и твои неожиданные слова о несостоявшейся любви,